

УДК 316.35.

© П. Л. Бляхер, 2013

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Бляхер П. Л. – асп., тел: (4212) 56-97-81 (ТОГУ)

В статье рассматривается религиозная ситуация на Дальнем Востоке России. Анализируются данные опросов, многолетних включенных наблюдений. Определяется место и роль религиозных организаций в социальной структуре региона.

The article deals with the religious situation in the Far East of Russia. The data of survey and the multi-participant observations are analyzed. The place and role of religious organizations in the social structure of the region are defined.

Ключевые слова: религиозный дискурс, Дальний Восток, религиозная община, верующие.

В опросах, в которых религиозная ориентация определялась по самопрезентации респондента [1], Дальний Восток по разным субъектам федерации дает разброс от 32 до 38% верующих, что существенно ниже общероссийских показателей (исключение – Амурская область, где данные существенно выше). Однако при попытке определить численность активных (постоянных) участников религиозных общин в абсолютном выражении становится еще более непонятно. Таких данных нет ни в статуправлениях территорий, ни в Полпредстве ДФО. Не удалось обнаружить их и на региональных сайтах религиозных организаций. Думаю, что где-то численность прихожан фиксируется. Но найти эти цифры не получилось. Единственная достоверная цифра приводится С.М. Дударенок [2] и относится к концу 80-х годов. Число верующих в регионе определяется в тот период в 10611 человек на более семи миллионов человек населения, т.е. чуть более 0,1%.

Понятно, что к настоящему времени эти цифры должны были существенно вырасти, но насколько? Достаточно приблизительный подсчет позволяет сделать статья Р. Лункина [3] и данные полевых межрегиональных исследований, приводящиеся в ней и в более полной версии, изложенные в монографии «Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России» [4]. Дело в том, что во всех статистических указаниях приводится число общин и приходов, но не число участников. В упоминаемых же выше изданиях на основании многолетних наблюдений приводится средняя чис-

ленность одной общины. Так, для общины РПЦ она составляет от 300 до 500 участников, тогда как для иных общин (кроме мусульманских) численность колеблется от 100 до 300 активных членов. По данным ведомственного реестра Минюста РФ по ДФО мы имеем 859 общин в регионе, из которых 324 общины РПЦ МП. В итоге получаем примерно равно число верующих (активных прихожан) православных РПЦ МП и всех остальных конфессий при общей численности прихожан чуть более 320 тысяч человек. При том, что численность населения региона сократилась до 6,3 миллиона человек, рост активных верующих действительно значительный: от 0,1% до 5 % от общей численности населения. Из них около 3% активных прихожан РПЦ МП.

Примерно такую же картину дает и результат всероссийского опроса. Иными словами, наши крайне приблизительные подсчеты, дают вполне реалистичный порядок величин. В то же время, совпадение это, скорее, говорит о типичности ситуации в регионе, нежели о своеобразии. Конечно, численное преобладание протестантских общин над общинами РПЦ МП не вполне типично для России, но и чем-то совершенно невероятным его назвать трудно. Близкое приграничье неизбежно накладывает свой отпечаток. Сама же ситуация вполне вписывается в одну из групп регионов, обозначенную авторами справочника «Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания» [5] как «малорелигиозные». Кроме большей части Дальневосточных территорий туда входят Калининградская, Мурманская, Новосибирская, Омская области и некоторые другие субъекты федерации [3]. Это территории, через которые протекает достаточно значительные демографические потоки, носители иных типов религиозности. При этом, «инославные» социальные агенты для этих территорий вполне «свои». В Новосибирской области, в Барнауле и Омске мусульмане из сопредельных центрально-азиатских стран еще с советских времен стали неотъемлемой частью социума. Понятно, что интерференция мировоззрений и потребность в повседневной коммуникации отодвигает религиозные вопросы на второй план, в сферу частной жизни. Сходная ситуация, правда, по иной причине, отмечается и в Калининградской области, российском анклаве, находящемся в католическом окружении. Иными здесь становятся и уровень религиозности и сама «включенность» в религию и религиозный дискурс.

Показательно проявляется это в Дальневосточном регионе. Здесь обнаруживаются весьма специфические мировоззренческие установки респондентов, репрезентирующих себя, как «верующие». Так, в ходе опроса, проводимого Дальневосточным институтом социально-политических исследований в 2009-м году по территориальной выборке (число респондентов 1800) численность верующих (представителей разных конфессий) и атеистов распределилась следующим образом.

Таблица

Считаете ли Вы себя верующим человеком? Если да, то к какой религии
Вы себя относите?

Православие 46,6%	Протестантизм 0,3%
Католицизм 0,2%	Ислам 0,5%
Иудаизм 0,3%	Буддизм 0,2%
Другие христианские конфессии (униаты, баптисты, евангелисты) 0,8%	Другая религия 1,0%
Верующим себя не считаю 36,4%	Затрудняюсь ответить 13,7%

Отметим преобладание респондентов, придерживающихся православия, входящее в конфликт с данными, полученными через анализ численности приходов. Здесь дополнительное свидетельство того, что самоидентификация человека, как православного свидетельствует более о культурной или политической идентичности, может быть, о его лояльности, нежели о религиозной принадлежности. Тем более, что только 3,2% респондентов отметили, что верят в загробную жизнь. Правда, и число суеверных оказалось несколько ниже, чем в целом по стране. Только 11,2% респондентов отметили, что верят в приметы, а 34,1% вообще не верят ни в какие сверхъестественные явления.

В результате возникает специфическая картинка «религиозной жизни» региона, точнее, дискурса, в который она оформляется. Как дань близости с АТР и продолжающемуся активному взаимодействию с ним сохраняется значительное, пока численно преобладающее число протестантских общин, а так же крайне холодное отношение населения к термину «тоталитарная секта». Так, приезд в Хабаровск, центр ДФО, главного борца с сектами А.Л. Дворкина прошел при пустых залах и крайне настороженном отношении местной власти. По инерции сохраняется и значительная часть атеистов, особенно среди той (значительной) части населения региона, которая не связана с «золотым дождем», идущим из федерального центра.

Отсюда и специфические результаты опросов, посвященных религиозным ориентациям населения. Люди знают о существовании религиозного дискурса, связанного с властным. Они знают «правильный ответ» и воспроизводят его в ходе опросов. При этом, к их реальности ответ имеет достаточно косвенное отношение. «Несовпадения», отмеченные выше, скорее объясняются не кризисом рациональности и распространением суеверий, но тем, что «правильный ответ» пока выучен плохо. Он слишком недавно стал «правильным». Большая или меньшая религиозность, фиксируемая в ходе массовых опросов в других регионах, тоже скорее связана с тем, насколько хорошо респонденты знают «правильный» ответ. Понятно, что, чем более гомогенным в конфессиональном отношении является регион, чем ближе он к источнику власти и властного дискурса, тем лучше респонденты знакомы с системой «правильных ответов», тем более высокий уровень религиозности фиксируют социологические опросы. Соответствует ли он уровень реальному

самоощущению людей? Предшествующий анализ позволяет, по крайней мере, усомниться в этом.

Итак, мы имеем в «сухом остатке» достаточно небольшое (в пределах 10 %) число активных участников религиозной жизни в стране, совершенно спокойно ведущих свою религиозную жизнь, и все шире распространяющееся знание «правильных ответов». Но наряду с этой, достаточно слабо клерикализованной реальностью, в которой и живут миллионы граждан страны, есть и другая. Это реальность СМИ и государственных структур, ответственных за идеологию и религию, реальность политических решений, публичных форумов и экспертных заседаний. Эту реальность и фиксируют ведущие полстеры. Здесь ведутся острые и актуальные споры о светском государстве и религиозности, о кризисе рациональности и часах патриарха. Эта реальность ярка, эмоционально накалена до предела, изобилует интересными концепциями и оригинальными выводами. Беда у нее лишь одна – она, практически, не представлена в повседневности, не организует коммуникацию между людьми. Точнее, возникает специфическая – виртуальная – реальность массовых опросов, официально назначенных пророков и артикуляторов истины¹.

Библиографический список

1. *Религиозная идентичность и воцерковленность* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0816/d081623>
2. *Дударенок С.М.* 2010. Современная религиозная ситуация на российском Дальнем Востоке: особенности формирования и тенденции развития. – С.М. Дударенко. Материалы международной конференции «Свобода религии и демократии: старые и новые вызовы». – Киев, – С. 46-51.
3. *Лункин Р.* «Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=2135>
4. *Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России.* 2002./отв. редактор С.Б. Филатов. – М. – Спб.: «Летний Сад», – 574с.
5. *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания.* Справочник. 2006./ под ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М.: «Логос», – 469с.

¹ Термин «виртуальный» здесь используется в его «физическом» смысле: возникающий и существующий только в условиях конкретного взаимодействия. В данном случае, взаимодействия между респондентом и интервьюером.